

К вопросу о понятиях и видах преступлений коррупционной направленности в российском праве

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Шихтимер Баширович Магомедов¹, Камилла Раджабовна Габиева²

^{1, 2} Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация, *kafedraconst@mail.ru*

¹ <https://orcid.org/0009-0007-3798-8277>

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в современном российском праве понятия коррупции, коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности используются в нормативном, правоприменительном и научном обороте не как полностью совпадающие категории. Это порождает трудности как для историко-правовой реконструкции соответствующего института, так и для определения его современных границ в уголовном праве. Цель исследования состоит в выявлении закономерностей историко-правовой эволюции понятий и видов преступлений коррупционной направленности в российском праве, а также в установлении соотношения между дореволюционными формами служебной продажности, советской уголовно-правовой моделью борьбы со взяточничеством и современной дифференцированной системой составов, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации и развиваемых в практике высших судов. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. В результате установлено, что российская правовая традиция первоначально вырабатывала запреты в отношении отдельных проявлений служебной продажности без использования обобщающего понятия коррупции, тогда как современный этап характеризуется формированием сложной системы уголовно-правовых запретов, включающей собственно взяточничество, коммерческий подкуп, посредничество, мелкие формы незаконного вознаграждения и иные деяния, совершаемые с использованием служебного положения. Сделан вывод о том, что историческое развитие данной категории шло от частных запретов к обобщающей антикоррупционной конструкции, а дальнейшее совершенствование законодательства требует более четкого разграничения понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности. При этом эволюция соответствующих составов отражает не только изменение уголовно-правовой техники, но и усложнение представлений государства о природе публичного и частного служебного подкупа, корыстного злоупотребления статусом и связанных с этим угроз правопорядку.

Ключевые слова: историко-правовое развитие, коррупция, преступления коррупционной направленности, взяточничество, коммерческий подкуп, служебное положение, уголовно-правовая дифференциация

Для цитирования: Магомедов Ш. Б., Габиева К. Р. К вопросу о понятиях и видах преступлений коррупционной направленности в российском праве // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 58, № 2 (78). С. 16–25. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-16-25

Original article

On the issue of concepts and types of corruption-related crimes in Russian law

5.1.2 — Public law (state law) sciences

Shikhtimer B. Magomedov¹, Kamilla R. Gabibova²

^{1, 2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *kafedraconst@mail.ru*

¹ <https://orcid.org/0009-0007-3798-8277>

Abstract. The relevance of the topic stems from the fact that in modern Russian law the notions of corruption, corruption crime and corruption-related crime are used in legislation, law enforcement practice and legal scholarship as categories that do not fully coincide. This creates difficulties both for the historical and legal reconstruction of the relevant institution and for determining its present boundaries in criminal law. The purpose of the study is to identify the patterns of the historical and legal evolution of the concepts and types of corruption-related crimes in Russian law and to establish the correlation between pre-revolutionary forms of official venality, the Soviet criminal law model of combating bribery and the contemporary differentiated system of offences embodied in the Criminal Code of the Russian Federation and developed in the practice of the higher courts. The methodological framework includes historical-legal, formal-legal, systemic-structural and comparative-legal methods. The

study demonstrates that the Russian legal tradition initially developed prohibitions aimed at particular manifestations of official venality without using the generalized concept of corruption, whereas the modern stage is characterized by a complex system of criminal law prohibitions covering bribery proper, commercial bribery, mediation, petty unlawful remuneration and other acts committed through the use of official position. It is concluded that the historical development of this category moved from particular prohibitions to a generalized anti-corruption legal construction, while further improvement of legislation requires a clearer distinction between the notions of a corruption crime and a corruption-related crime. At the same time, the evolution of the relevant offences reflects not only changes in criminal law technique but also the increasing complexity of the state's understanding of public and private-service bribery, self-interested abuse of status and the threats thereby posed to the legal order.

Keywords: historical and legal development, corruption, corruption-related crimes, bribery, commercial bribery, official position, criminal law differentia

For citation: Magomedov Sh.B., Gabibova K.R. On the issue of concepts and types of corruption-related crimes in Russian law. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 58, no. 2 (78), pp. 16–25. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-16-25. (In Russ.).

Введение. Проблематика историко-правовой эволюции понятий и видов преступлений коррупционной направленности сохраняет устойчивую научную значимость не только потому, что коррупция остается одной из наиболее опасных форм деформации публичной и частной служебной деятельности, но и потому, что в действующем российском праве отсутствует единое законодательное определение самого понятия коррупционного преступления. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ закрепляет легальное определение коррупции как более широкой категории, охватывающей злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иное незаконное использование должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях извлечения имущественной выгоды для себя или третьих лиц либо незаконного предоставления такой выгоды, в том числе от имени или в интересах юридического лица¹. В свою очередь, действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации по состоянию на март 2026 г. фиксирует уже не единичный состав служебного подкупа, а развернутую систему специальных норм, охватывающих получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе и мелкий коммерческий подкуп². Тем самым современный законодатель исходит из того, что уголовно-правовое противодействие коррупции предполагает множественность видов деяний, объединенных общими признаками, но не сводимых к одному составу.

Предметом исследования выступают доктринальные подходы, нормативные решения и право-

вые позиции высших судов, характеризующие историческое движение от частных запретов против «посулов», мздоимства и лихоимства к современной системе составов, в которой выделяются публично-служебный и частно-служебный подкуп, посредничество, малозначительные по размеру формы незаконного вознаграждения, а также деяния, совершаемые с использованием служебного положения и приобретающие коррупционную направленность в силу своего мотивационного и функционального содержания. Полагаем, что без учета данной исторической логики невозможно дать точную уголовно-правовую оценку современному состоянию антикоррупционного законодательства, равно как и определить пределы дальнейшей дифференциации соответствующих составов.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили действующее антикоррупционное и уголовное законодательство Российской Федерации, федеральные законы, изменявшие систему антикоррупционных уголовно-правовых запретов в 2011, 2016 и 2025 гг., правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения и обзоры Верховного Суда Российской Федерации, а также научные статьи, монографии и диссертационные исследования, опубликованные преимущественно в 2021–2025 гг. Методологическая основа исследования представлена сочетанием историко-правового метода, позволяющего выявить преемственность и разрывы в развитии соответствующих институтов; формально-юридического метода, необходимого для анализа нормативных дефиниций и состава преступлений; системно-структурного метода, дающего возможность рассматривать коррупционные деяния как внутренне дифференцированную группу; сравнительно-правового метода, применяемого в пределах сопоставления дореволюционного, советского и современного этапов развития российского права.

Принципиальное значение для настоящего исследования имеет отказ от упрощенного отождествления понятий «коррупция», «коррупционное преступление» и «преступление коррупционной направленности». Указанные категории обладают

¹ О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28623> (дата обращения: 09.03.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555> (дата обращения: 09.03.2026).

различной нормативной плотностью и различной сферой употребления. Первая закреплена на уровне общего антикоррупционного законодательства; вторая чаще употребляется как уголовно-правовая и криминологическая абстракция; третья широко используется в правоприменении, статистике и научном описании тех деяний, которые по своим признакам непосредственно либо опосредованно связаны с незаконным использованием служебного статуса в корыстных целях. Именно поэтому исследование историко-правовой эволюции должно быть ориентировано не только на смену терминов, но и на изменение тех юридически значимых признаков, которые позволяют объединять разнородные составы в одну группу.

Результаты и обсуждение. Исходным методологическим положением представляется тезис о том, что российская правовая традиция значительно раньше выработала запреты, относимые сегодня к коррупционным, чем само обобщающее понятие коррупции. И.П. Климов справедливо отмечал, что изучение историко-правового опыта противодействия коррупции имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение, поскольку позволяет увидеть устойчивые и воспроизводимые механизмы служебной продажности в различные эпохи [1, с. 148]. Он же подчеркивал, что истоки данного явления относятся «еще к глубокой древности» [1, с. 149]. Эта мысль имеет для настоящего исследования принципиальное значение. Она означает, что государство сначала сталкивается с определенным социально-правовым феноменом – продажностью носителя публичной функции, использованием власти или служебного статуса в обмен на материальное либо иное благо, – а уже затем создает терминологию, способную охватить разные проявления такого поведения. Следовательно, историко-правовая эволюция рассматриваемой категории начинается не с момента появления в законодательстве слова «коррупция»; а с более раннего этапа, когда право на языке своей эпохи описывает и пресекает случаи служебного корыстного злоупотребления.

В более широком политико-правовом контексте аналогичный подход прослеживается и в трудах, посвященных истории антикоррупционной мысли. А.М. Хлус делает вывод, что необходимость непримиримой борьбы с коррупцией и взяточничеством признавалась многими мыслителями прошлого и что «коррупция и взяточничество во все исторические времена, у всех народов и цивилизаций оценивались как негативные общественные явления» [2, с. 250]. Для российской правовой истории это важно по двум причинам. Во-первых, негативная оценка служебной продажности формировалась не только как реакция на отдельные злоупотребления, но и как элемент более общего учения о надлежащем порядке осуществления власти и правосудия. Во-вторых, уже на ранних этапах развития права осознавалось, что неза-

конное вознаграждение разрушает не один частный правовой запрет, а саму основу доверия к службе и к механизму правового разрешения споров. В этом смысле дальнейшая отечественная эволюция понятий и видов преступлений коррупционной направленности развивалась в русле общей правовой закономерности: право последовательно усиливало реакцию на деяния, в которых продажность должностной или служебной функции становилась способом подмены публичного интереса частной выгодой.

Одним из наиболее ранних отечественных нормативных маркеров соответствующего явления выступает категория «посула». В новейшей литературе Е.Н. Чекушкина и А.Н. Чекушкин, обращаясь к ранним источникам русского права, указывают, что уже Псковская судная грамота содержала запрет принятия посула, и, тем самым, фиксировала юридическую неприемлемость вознаграждения, связанного с осуществлением властных или судебных полномочий [3, с. 54]. С точки зрения историко-правового анализа этот момент чрезвычайно важен: право еще не знает сложной системы составов, не располагает современной категорией коррупционной направленности, но уже различает допустимое вознаграждение и противоправную плату за надлежащее либо ненадлежащее исполнение функции. Следовательно, первоначальный этап становления рассматриваемой группы деяний связан именно с запретом на превращение службы в объект имущественного обмена. По нашему мнению, данный этап следует рассматривать как период зарождения материального содержания будущего антикоррупционного запрета: еще без развитой уголовно-правовой техники, но уже с отчетливым пониманием того, что публичная функция не может быть легально отчуждена за вознаграждение.

В последующем данная линия получила развитие в праве централизованного Русского государства и затем Российской империи. Особое значение имеет сформировавшееся разграничение между мздоимством и лихоимством. Так, В.Н. Бабенко, анализируя законодательство и управленческую практику первой половины XIX в., пишет, что взяточничество делилось на «мздоимство» и «лихоимство» [4, с. 22]. Историко-правовая ценность этого разграничения состоит в том, что оно отражает раннюю попытку видовой дифференциации служебной продажности. Право выделяло не просто факт принятия незаконного вознаграждения, а различало случаи получения вознаграждения за действия в пределах полномочий и случаи вознаграждения за заведомо противозаконное действие либо бездействие. Иначе говоря, уже дореволюционное право стремилось учитывать не только сам акт незаконного вознаграждения, но и характер служебного поведения, ради которого оно давалось или принималось. Полагаем, что именно здесь следует искать исторический корень современной уго-

ловно-правовой дифференциации, когда законодатель разделяет составы не только по субъекту и предмету, но и по роли посредника, размеру вознаграждения, сфере служебных отношений и особенностям объективной стороны.

Имперский этап ценен также тем, что проблема служебной продажности стала осмысляться не только в чисто запретительном, но и в организационно-правовом измерении. Борьба со взяточничеством связывалась с устройством управления, материальным обеспечением чиновничества, системой надзора и с вопросом о пределах усмотрения должностного лица. Тем самым складывался важный для дальнейшей эволюции вывод: коррупционная преступность не исчерпывается моральным изъёмом отдельного лица, а укореняется в дефектах институциональной конструкции службы. Данный вывод сохраняет значение и для современной науки. Если дореволюционное право уже интуитивно стремилось сочетать наказуемость служебной корысти с мерами организационного воздействия, то современное антикоррупционное законодательство лишь развивает эту логику в более сложных формах, соединяя уголовно-правовые, административные, дисциплинарные и профилактические механизмы.

Следующий существенный этап относится к раннесоветскому периоду. Е.Н. Чекушкина и А.Н. Чекушкин указывают, что Декрет от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» знаменовал качественно новое отношение государства к соответствующим деяниям, причем, по замечанию авторов, наказуемыми рассматривались не только действия самого получателя незаконного вознаграждения, но и участие иных лиц в соответствующем коррупционном взаимодействии [3, с. 55]. Значение данного периода состоит в переносе акцента с административно-служебной недобросовестности на выраженно уголовно-политическую оценку взяточничества как общественно опасного поведения, несовместимого с новой государственностью. В советский период происходит дальнейшее закрепление уголовно-правовой модели, в которой центральным элементом становится должностное взяточничество. Однако, по нашему мнению, именно эта модель, несмотря на ее строгость, оставалась в определенной мере уже, чем современная конструкция: она преимущественно концентрировалась вокруг публичной службы и не охватывала в полном объеме те формы незаконного вознаграждения, которые сегодня выражаются в частнослужебном подкупе, посредничестве, обещании и предложении посредничества, а также в малых по размеру формах подкупа.

Постсоветский этап характеризуется постепенным переходом от преимущественно уголовно-карательного описания взяточничества к формированию более широкой антикоррупционной правовой системы. Нормативным рубежом такого перехода стал Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, который, как отмечалось ранее, закрепил

общее легальное определение коррупции и тем самым придал единый категориальный каркас различным формам противоправного поведения. Важно подчеркнуть, что в статье 1 названного закона законодатель прямо соединил в одной дефиниции злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иное незаконное использование должностного положения в целях извлечения имущественной выгоды. Эта законодательная техника свидетельствует о принципиальном расширении понимания коррупции: речь идет уже не только о классическом взяточничестве должностного лица, но и о частнослужебных формах подкупа, о злоупотреблении полномочиями, о незаконном вознаграждении в интересах юридического лица. Следовательно, современное антикоррупционное понятие по объему шире любого отдельного состава преступления и, тем самым, предопределяет необходимость различения между явлением коррупции в целом и его уголовно-правовыми разновидностями.

Именно на этой основе началось интенсивное развитие специальных уголовно-правовых норм. Существенное значение имел Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, которым были переработаны положения о подкупе и введена статья 291.1 УК РФ о посредничестве во взяточничестве¹. Данная реформа знаменовала важный поворот в правовом осмыслении коррупционного деяния. Если прежде уголовно-правовое ядро строилось, главным образом, на двусторонней модели «дающий–получающий», то после реформы законодатель специально выделил промежуточное звено коррупционного обмена и тем самым признал, что посредник в условиях усложнения коррупционных схем перестает быть факультативной фигурой и превращается в самостоятельного участника общественно опасного механизма. После этого историческая линия развития видовой структуры преступлений коррупционной направленности продолжилась: право стало учитывать не только основной акт незаконного вознаграждения, но и обслуживающую его инфраструктуру, в чем проявляется общая закономерность эволюции подобных составов: по мере усложнения социального механизма коррупции уголовный закон отвечает не только усилением наказуемости, но и выделением новых, более дробных разновидностей преступного поведения.

Следующим этапом дифференциации явился Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33102> (дата обращения: 09.03.2026).

Он ввел в уголовное законодательство статьи 204.1, 204.2 и 291.2 УК РФ, тем самым закрепив ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество¹. Содержательно эта новелла имеет гораздо большее значение, чем простое умножение составов. Во-первых, законодатель окончательно признал, что коррупционно значимое незаконное вознаграждение существует не только в сфере публичной службы, но и в сфере управления коммерческими и иными организациями. Во-вторых, была проведена дифференциация по размеру предмета подкупа: малозначительная по сумме передача незаконного вознаграждения не исключается из сферы уголовно-правового регулирования, но получает самостоятельную оценку. В-третьих, был отражен тот факт, что коррупционные сделки зачастую опосредуются третьими лицами и в частнослужебных отношениях. По нашему мнению, именно после реформы 2016 г. можно говорить о завершении формирования современной многоуровневой модели преступлений коррупционной направленности, в которой публичный и частный подкуп, посредничество и малые формы вознаграждения образуют взаимосвязанную систему.

Сама по себе системность современной модели подтверждается и последующим развитием законодательства. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ внес новые изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации; редакция названного закона действует с 20 января 2026 г.². Для темы настоящей статьи принципиально не столько конкретное изменение санкции, сколько сам факт продолжающейся корректировки антикоррупционного уголовного блока. Это свидетельствует о том, что законодатель не рассматривает сложившуюся систему составов как окончательно завершенную и продолжает искать более точные формы соразмерности, в том числе применительно к менее тяжким проявлениям коррупционного поведения. Следовательно, современный этап развития категории преступлений коррупционной направленности нельзя считать статичным. Он сохраняет динамический характер, а потому историко-правовой анализ должен учитывать не только уже сложившиеся фор-

мы, но и текущую тенденцию к уточнению их границ и санкционных параметров.

Современная доктрина в целом исходит из того, что коррупция как правовая категория не сводится к одному составу взяточничества. Ю.Г. Арзамасов и В.Ю. Арзамасов предлагают определять коррупцию как «запрещенные действующим законодательством различные формы умышленных виновных противоправных деяний физических и юридических лиц, служащих или должностных лиц публичной или негосударственной сферы, выражающиеся в использовании своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в личных или узкогрупповых интересах, направленные на приобретение имущественной выгоды», включая взяточничество, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество и коммерческий подкуп [5, с. 189]. Научная ценность данной позиции заключается в том, что она соединяет в единой дефиниции несколько ключевых признаков: противоправность, умышленный характер деяния, использование служебного статуса, корыстную или групповую заинтересованность и множественность институциональных сфер, где коррупция способна проявляться. Иначе говоря, современная наука все отчетливее фиксирует, что для раскрытия понятия коррупционного деяния недостаточно сослаться только на получение взятки должностным лицом; необходимо учитывать и частную сферу, и посредническое звено, и использование статуса в интересах третьих лиц.

Указанное расширение понятия закономерно ставит вопрос о критериях, позволяющих квалифицировать конкретное преступление как коррупционное либо коррупционной направленности. Е.В. Стебенева обоснованно подчеркивает, что «вина при совершении коррупционных правонарушений всегда выступает только в виде умысла», а их повышенная общественная опасность обусловлена тем, что такие деяния причиняют вред не только отдельным охраняемым отношениям, но и авторитету государства, государственной службы и правовым институтам в целом [6, с. 26]. Полагая, что именно здесь проходит один из важнейших водоразделов между коррупционным преступлением и иным служебным либо экономическим деликтом. Не всякое нарушение, совершенное должностным или иным уполномоченным лицом, имеет коррупционную природу; для этого необходимо, чтобы использование служебного положения было сопряжено с умышленной ориентацией на извлечение незаконной выгоды или на предоставление такой выгоды другим лицам. Следовательно, видовая структура рассматриваемой группы определяется не только объектом посягательства, но и внутренним функциональным механизмом деяния, где служебный статус становится средством корыстного перераспределения выгод.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200716/ (дата обращения: 09.03.2026).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52182> (дата обращения: 09.03.2026).

Отсюда вытекает и один из центральных терминологических вопросов современной науки. И.В. Матвеев предлагает следующее определение: «коррупционное преступление – это умышленно совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности лицом с использованием служебного положения общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания» [7, с. 12]. Одновременно названный автор отмечает, что термин «преступление коррупционной направленности» не вполне удачен как родовое обозначение, поскольку в строгом уголовно-правовом смысле речь должна идти либо о собственно коррупционном преступлении, либо о деянии, лишь обладающем отдельными коррупциогенными признаками [7, с. 46]. Данная позиция заслуживает внимания, поскольку она позволяет точнее понять историческую эволюцию понятийного аппарата. Действительно, современный публичный и научный оборот нередко использует категорию «преступление коррупционной направленности» как организационно-учетное и статистическое обозначение более широкой группы деяний, тогда как термин «коррупционное преступление» претендует на большую уголовно-правовую строгость. По нашему мнению, оба подхода отражают реальные потребности правовой системы, однако смешение этих категорий затрудняет единообразное описание видовой структуры коррупционных деяний и потому требует дальнейшего доктринального уточнения.

Применительно к современной системе составов принципиально важен вывод П.В. Никонова о том, что «среди коррупционных преступлений особое место занимают» деяния, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения [8, с. 5]. Такой вывод подтверждается не только конструкцией Особенной части УК РФ, но и эмпирическими данными, приведенными названным автором, согласно которым значительная доля коррупционных преступлений в 2023 г. приходилась именно на подкупные формы. Это позволяет сделать более общий историко-правовой вывод: как бы ни изменялась терминология и как бы ни усложнялась система специальных составов, ядром преступлений коррупционной направленности в российском праве сохраняется подкуп в его различных разновидностях. В дореволюционную эпоху это выражалось через мздоимство и лихоимство, в советский период – через должностное взяточничество, в современном праве – через развернутый комплекс норм о публичном и частном подкупе, посредничестве и малых формах незаконного вознаграждения. Следовательно, историческое развитие этой группы деяний обнаруживает устойчивое структурное ядро, вокруг которого постепенно нарастают дополнительные элементы уголовно-правовой дифференциации.

Видовая структура современных коррупционных деяний, вместе с тем, не исчерпывается противопоставлением публичного и частного подкупа.

Е.В. Стебенева, делая выводы о современных криминологических трансформациях коррупции, отмечает, что перечень сфер и проявлений данного явления «далеко не исчерпывающий», а классификация по социальной сфере и функциональному назначению позволяет точнее выявлять механизмы коррупционного поведения [9, с. 223]. Для уголовного права это означает, что типология преступлений коррупционной направленности должна строиться не по одному основанию, а по нескольким пересекающимся критериям. Такими критериями выступают: сфера служебных отношений; субъект, использующий полномочия или служебный статус; наличие либо отсутствие двустороннего коррупционного обмена; размер предмета незаконного вознаграждения; наличие посредника; способ извлечения имущественной выгоды; функциональная связь деяния с осуществлением публичной либо корпоративной власти. Именно по этой причине современная уголовно-правовая модель включает как собственно подкупные преступления, так и деяния, в которых коррупционная направленность проявляется через использование служебного положения для перераспределения материальных благ, имущества или имущественных прав.

Развитие категориального аппарата и видовой дифференциации было поддержано практикой высших судов Российской Федерации. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в редакции от 9 декабря 2025 г. задало для правоприменения системное толкование признаков взяточничества, коммерческого подкупа и иных коррупционных деяний¹. Принципиально значимую роль сыграла и практика Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 1 октября 2024 г. № 42-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что часть первая статьи 42 УПК РФ во взаимосвязи со статьей 290 УК РФ не препятствует признанию потерпевшим лица, отказавшегося от дачи взятки, добровольно сообщившего о преступлении и способствовавшего его раскрытию, если преступлением ему причинен физический, имущественный или моральный вред либо вред его деловой репутации². Далее развитие соответству-

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 09.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14_9092/ (дата обращения: 09.03.2026).

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Ткаченко: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 1 окт. 2024 г. № 42-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202410020001> (дата обращения: 09.03.2026).

ющих подходов было продолжено в актах, посвященных конфискации имущества. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 в редакции от 12 декабря 2023 г. закрепило подходы к применению конфискации имущества в уголовном судопроизводстве¹. Наконец, в определениях от 11 ноября 2025 г. № 2916-О и № 2917-О Конституционный Суд Российской Федерации анализировал положения статьи 104.1 УК РФ о конфискации имущества, полученного в результате коррупционных деяний и преобразованного в иные активы, в том числе находящиеся у третьих лиц². Данная практика усиливает современное понимание коррупционного преступления как деяния, требующего не только персональной уголовной ответственности, но и специального режима обращения преступного имущества в доход государства.

В историко-практическом аспекте из сказанного вытекает важный вывод: по мере развития права центр тяжести постепенно смещался от простого запрета на принятие вознаграждения к более сложной модели пресечения всего коррупционного механизма. Дореволюционное право прежде всего фиксировало недопустимость посула, мздоимства и лихоимства; советское право усилило персональную уголовную репрессию за взяточничество; современное право, сохранив ядро подкупных составов, стало охватывать также посреднические действия, специальные правила конфискации и профилактические механизмы. Именно поэтому эволюция понятий и видов преступлений коррупционной направленности не может быть описана как история одного состава. Это история расширения самого юридического взгляда на служебную продажность: от ее восприятия как частного нарушения служебной честности – к ее пониманию как си-

стемной угрозы порядку управления, экономическому обороту и доверию к институтам публичной и корпоративной власти.

С методологической точки зрения представляется неверным и сведение историко-практической эволюции к формуле постоянного ужесточения наказаний. Безусловно, карательный компонент играл и продолжает играть существенную роль. Однако ключевой процесс состоит в другом: в уточнении юридически значимых признаков деяния и в более тонком расчленении единого феномена на несколько разновидностей. Законодатель постепенно учится различать незаконное вознаграждение по его предмету, размеру, субъекту, сфере осуществления полномочий, наличию посредника и способу реализации преступного результата. По нашему мнению, именно это и составляет основное содержание современной эволюции. В известном смысле она воспроизводит дореволюционную логику различения мздоимства и лихоимства, но на качественно более сложном уровне: если ранее право разграничивало главным образом служебную законность либо незаконность оплачиваемого поведения, то сегодня оно дополнительно учитывает корпоративную сферу, малый размер вознаграждения, интересы юридических лиц и сложные имущественные трансформации преступных доходов.

Значение комплексного подхода к противодействию коррупции особенно убедительно раскрыто в коллективной монографии под редакцией Т.Я. Хабриевой, где указывается, что устойчивые результаты достигаются там, где «применяется комплексный подход к противодействию коррупции, предполагающий применение системы политических, правовых, организационных, экономических, пропагандистских и иных мер» [10, с. 67]. Данное положение имеет не только прикладное, но и историко-правовое значение. Оно позволяет увидеть, что современная система преступлений коррупционной направленности является лишь одной, хотя и ключевой, частью более широкого антикоррупционного механизма. Иначе говоря, историческая эволюция соответствующих понятий и видов деяний идет в двух взаимосвязанных плоскостях: внутри уголовного закона – через дифференциацию составов; вне его – через встраивание уголовно-правового реагирования в общую систему профилактики, конфискации, дисциплинарных ограничений, административной ответственности юридических лиц и правового контроля за служебным поведением. Игнорирование хотя бы одной из этих плоскостей неизбежно приводит к упрощенному представлению о сущности антикоррупционной политики и о месте уголовного закона в ее структуре.

Исходя из проанализированного материала, современную видовую систему преступлений коррупционной направленности целесообразно описывать как многоуровневую. На первом, наиболее

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/ (дата обращения: 09.03.2026).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Король Ольги Валентиновны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой и частью третьей статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 нояб. 2025 г. № 2916-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413037129/> (дата обращения: 09.03.2026); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Елены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта «б» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 нояб. 2025 г. № 2917-О. URL: <https://base.garant.ru/413137127/> (дата обращения: 09.03.2026).

узком уровне находятся собственно подкупные составы публичной службы: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество. На втором уровне располагаются аналогичные составы частнослужебного характера: коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп. На третьем уровне находятся деяния, в которых коррупционная направленность проявляется не в классическом акте передачи незаконного вознаграждения, а в использовании служебного статуса для извлечения имущественной выгоды, предоставления преимуществ или получения имущественных прав. Последняя группа по необходимости наиболее подвижна и доктринально дискуссионна, поскольку включает составы, не всегда обладающие коррупционной природой автоматически, но способные приобретать ее при наличии умысла, корыстной или иной личной заинтересованности и функциональной связи между использованием полномочий и незаконной выгодой. Такая трехуровневая модель, по нашему мнению, лучше всего соответствует как исторической логике развития института, так и современным потребностям правоприменения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении понятий «взяточничество» и «коррупция». Историко-правовой материал показывает, что взяточничество было и остается центральной, но не исчерпывающей формой коррупционного поведения. В дореволюционной доктрине и законодательстве фактически именно оно образовывало основной объект уголовно-правового внимания. Советский период еще более усилил эту тенденцию. Однако современное право качественно изменило исходную конструкцию: законодатель признал коррупционно значимыми не только публично-служебный подкуп, но и коммерческий подкуп, не только получение и дачу вознаграждения, но и посредничество, не только существенные по размеру суммы, но и малые формы вознаграждения. Тем самым взяточничество превратилось из синонима коррупционного преступления в ядро более широкой системы. Эта трансформация, по нашему мнению, и составляет главный результат многовековой эволюции исследуемой категории.

С учетом сказанного представляется возможным сформулировать несколько обобщающих историко-правовых закономерностей. Первая закономерность состоит в том, что право изначально реагирует не на термин, а на социально-правовой факт служебной продажности; терминология приходит позднее. Вторая заключается в том, что видовая дифференциация возникает всякий раз тогда, когда усложняется социальный механизм коррупционного обмена. Третья закономерность выражается в постепенном расширении круга субъектов и сфер, где право усматривает коррупционный риск: от носителя публичной функции – к лицам, выполняющим управленческие функции в организациях, посредникам и юридическим лицам как

выгодоприобретателям незаконного вознаграждения. Наконец, четвертая закономерность заключается в интеграции уголовно-правового реагирования с иными формами правового воздействия, прежде всего, с конфискацией, административной ответственностью юридических лиц и профилактическими мерами.

При таком подходе становится более очевидной и причина современной терминологической неопределенности. Категория преступлений коррупционной направленности исторически выросла из нескольких разных традиций: из классической уголовно-правовой борьбы со взяточничеством; из общей антикоррупционной политики, закрепленной в специальном законодательстве; из статистико-управленческой потребности группировать разнородные деяния по признаку их связи со служебным корыстным злоупотреблением. Пока эти традиции сосуществуют без общего законодательного определения, доктрина и правоприменение неизбежно будут использовать несколько параллельных конструкций. Это не означает беспорядка в праве, но указывает на переходный характер современной стадии развития института. По нашему мнению, дальнейшее совершенствование законодательства должно быть связано не столько с механическим увеличением числа специальных составов, сколько с нормативным уточнением общих критериев, по которым деяние может быть отнесено к коррупционным преступлениям либо к преступлениям коррупционной направленности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что историко-правовая эволюция понятий и видов преступлений коррупционной направленности в российском праве носила последовательный, а не линейный характер. Ее исходной точкой выступали ранние запреты на посул и иные формы вознаграждения, сопряженные с осуществлением судебной и властной функции. На имперском этапе право выработало более сложные различия, прежде всего, между мздоимством и лихоимством, тем самым заложив основы для последующей видовой дифференциации. Советский период усилил карательное значение борьбы со взяточничеством и придал ей ярко выраженный уголовно-политический характер. И, наконец, современное российское право пришло к развернутой модели, в которой коррупция закреплена как общая антикоррупционная категория, а уголовный закон содержит систему специальных составов, охватывающих публичный и частный подкупы, посредничество, малые формы незаконного вознаграждения и иные деяния, совершаемые с использованием служебного положения.

Второй вывод состоит в том, что развитие рассматриваемой категории происходило от частного к общему: сначала право запрещало отдельные проявления служебной продажности, не располагая их общей дефиницией, а затем сформировало более широкое понятие коррупции и уже в его рамках ста-

ло выстраивать уголовно-правовую типологию соответствующих преступлений. При этом уголовно-правовая эволюция пошла не по пути простой замены старых терминов новыми, а по пути усложнения юридически значимых признаков, позволяющих различать отдельные виды деяний по субъекту, сфере служебных отношений, способу передачи незаконного вознаграждения, размеру предмета подкупа и характеру использования полномочий.

Третий вывод заключается в том, что современная категория преступлений коррупционной направленности имеет сложную природу. Она одновременно отражает содержание общего антикоррупционного законодательства, специфику уголовно-правовой охраны отношений службы и управления, а также потребности судебной и организационно-статистической практики. Именно этим объясняется сохраняющаяся дискуссия о соотношении понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности. По нашему мнению, в научном плане более строгой является конструкция коррупционного преступления как умышленного деяния, совершаемого с использованием служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности. Вместе с тем в правоприменительном обороте категория преступлений коррупционной направленности продолжает использоваться как более широкая и функциональная.

Четвертый вывод состоит в том, что современное развитие данного института определяется

не только законодательными изменениями, но и практикой высших судов Российской Федерации. Именно она обеспечивает системное толкование таких элементов, как конфискация коррупционных доходов и пределы обращения преступного имущества в доход государства. Следовательно, эволюция рассматриваемой категории происходит не только в тексте уголовного закона, но и в судебной конкретизации его антикоррупционного содержания.

Наконец, представляется обоснованным вывод о том, что дальнейшее совершенствование российского права должно быть направлено на более четкое закрепление общих критериев отнесения деяния к преступлениям коррупционной направленности. К числу таких критериев, по нашему мнению, следует относить умышленный характер поведения, наличие корыстной или иной личной заинтересованности, использование служебного либо управленческого статуса, причинение вреда порядку надлежащего осуществления публичных или корпоративных функций, а также связь деяния с незаконным извлечением либо предоставлением имущественной выгоды. Нормативное уточнение этих критериев позволило бы устранить часть существующих терминологических коллизий, повысить определенность правоприменения и одновременно сохранить исторически сложившееся многообразие видовых форм коррупционного поведения, которое российское право вырабатывало на протяжении нескольких веков.

Список источников

1. Климов И. П. Историко-правовой опыт противодействия коррупции и его значение для современной России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 147–154.
2. Хлус А. М. Представление о коррупции и взяточничестве в зарубежной политико-правовой мысли // Эпомен. 2021. № 59. С. 242–251.
3. Чекушкина Е. Н., Чекушкин А. Н. Борьба с коррупцией в России: историко-правовые аспекты // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 1. С. 52–60.
4. Бабенко В. Н. Г.Р. Державин и проблемы борьбы со взяточничеством в Российской империи в 1-й половине XIX в. // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 17–25.
5. Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Коррупция: субъекты, современные признаки, понятие // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 182–190.
6. Стебенева Е. В. Коррупционные преступления: критерии, сущность и трансформация механизма совершения // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 2. С. 25–35.
7. Матвеев И. В. Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 238 с.
8. Никонов П. В. Теоретические основы уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 568 с.
9. Стебенева Е. В. Виды коррупции: современные криминологические трансформации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 209–226.
10. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 384 с.

References

1. Klimov I.P. Istoriko-pravovoi opyt protivodeistviya korruptsii i ego znachenie dlya sovremennoi Rossii [Historical and legal experience of countering corruption and its significance for modern Russia], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2010, no. 2, pp. 147–154. (In Russ.).
2. Khlus A.M. Predstavlenie o korruptsii i vzyatochnichestve v zarubezhnoi politiko-pravovoi mysli [Ideas of corruption and bribery in foreign political and legal thought], *Epomen*, 2021, no. 59, pp. 242–251. (In Russ.).
3. Chekushkina E.N., Chekushkin A.N. Bor'ba s korruptsiei v Rossii: istoriko-pravovye aspekty [The fight against corruption in Russia: historical and legal aspects], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2025, vol. 13, no. 1, pp. 52–60. (In Russ.).
4. Babenko V.N. G. R. Derzhavin i problemy bor'by so vzyatochnichestvom v Rossiiskoi imperii v 1-i polovine XIX v. [G. R. Derzhavin and the Problems of Combating Bribery in the Russian Empire in the 1st Half of the 19th Century], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* [Herald of the Russian Law Academy], 2023, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.).
5. Arzamasov Yu.G., Arzamasov V.Yu. Korruptsiya: sub"ekty, sovremennye priznaki, ponyatie [Corruption: contemporary subjects signs, concept], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 4, pp. 182–190. (In Russ.).
6. Stebeneva E.V. Korruptionnye prestupleniya: kriterii, sushchnost' i transformatsiya mekhanizma soversheniya [Corruption crimes: criteria, essence and transformation of the mechanism of commission], *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal and Economic Studies], 2024, no. 2, pp. 25–35. (In Russ.).
7. Matveev I.V. Ispol'zovanie litsom sluzhebnogo polozheniya kak priznak sostava korruptionnogo prestupleniya [Use of official position by a person as an element of corpus delicti of a corruption crime]: Cand. Law Sci. Diss. Ekaterinburg, 2024, 238 p. (In Russ.).
8. Nikonov P.V. Teoreticheskie osnovy ugovorno-pravovogo protivodeistviya prestupleniyam, svyazannym s dachei i polucheniem vzyatki i inymi vidami nezakonnogo voznagrashdeniya [Theoretical foundations of criminal law counteraction to crimes related to giving and receiving bribes and other forms of illegal remuneration]: Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2024, 568 p. (In Russ.).
9. Stebeneva E.V. Vidy korruptsii: sovremennye kriminologicheskie transformatsii [Types of corruption: modern criminological transformations], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 4 (104), pp. 209–226. (In Russ.).
10. Ivanov S.B., Khabrieva T.Ya., Chikhanchin Yu.A. et al. Protivodeistvie korruptsii: novye vyzovy [Countering corruption: new challenges]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M Publ., 2016, 384 p. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Магомедов Шихтимер Баширович, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: kafedraconst@mail.ru

Габиева Камилла Раджабовна, магистрант кафедры конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: kafedraconst@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 27.04.2026 г.; принята к публикации 26.05.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Magomedov Shikhtimer Bashirovich, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Law Institute of Dagestan State University, Doctor of Law, Professor, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: kafedraconst@mail.ru

Gabibova Kamilla Radzhabovna, a master's student in the Department of Constitutional and Municipal Law at the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: kafedraconst@mail.ru

Received 10.03.2026; approved after reviewing 27.04.2026; accepted for publication 26.05.2026